

Последнее стихотворение

“Когда человек умирает, изменяются его портреты...”. А стихи? Приобретают ли они после смерти поэта иной, пророческий или мистический смысл? Насколько они неслучайны? Знали ли, предчувствовали ли авторы, что эти их стихи – последние? Я задумалась об этом, когда прочла последние стихи Г. Державина. В 1816 году, за три дня до своей кончины, глядя на висевшую в его кабинете известную историческую карту “Река времён”, начал он стихотворение “На тленность” и успел написать лишь две строфы:

Река времён в своём стремленьи
уносит все дела людей
и топит в пропасти забвенья
народы, царства и царей.

А если что и остаётся
чрез звуки лиры и трубы,
то вечности жерлом пожрётся
и общей не уйдёт судьбы!

На грифельной доске, на которой поэт записал текст начала оды, были ещё две строки, но разобрать их не удалось. Сейчас весь текст на доске от времени стёрся.

Однако на практике последнее стихотворение поэта редко бывает таким многозначительным и завершающим. И последнее стихотворение Рубцова вовсе не “Я умру в крещенские морозы...”, и последнее стихотворение Пушкина – не “Памятник”, а почти весёлое четверостишие:

Забыв и роцу, и свободу,
невольный чижик надо мной
зерно клюёт и брызжет воду,
и песнью тешится живой.

Мини-исследование, которое я провела на эту тему, во многом опровергает наивно-бытовое восприятие таких категорий русской поэтической личности, как возраст, биография, смерть поэта и т.д. Последнее стихотворение, помогающее глубже понять творческое развитие поэта – факт преимущественно жизни, а не смерти.

Последнее стихотворение Блока, написанное 15 марта 1921 года, – “Как всегда, были смешаны чувства...”. К. Чуковский отмечает в своём дневнике, что оно возникло у него на глазах: “Оно было создано в 1921 году на заседании “Всемирной”, во время нудного витиеватого доклада, который явно угнетал его своим претенциозным пустословием. Чтобы дать ему возможность отвлечься от

слушания этих учёных банальностей, я пододвинул к нему свой альманах и сказал: “Напишите стихи”. Он тихо спросил: “О чём?” Я сказал: “Хотя бы о вчерашнем”.

Накануне они блуждали по весеннему Питеру и встретили в одном из учреждений дочь знаменитого анархиста Кропоткина, с которой Чуковский был издавна знаком. Об этой встрече Блок написал в своём последнем экспромте:

Как всегда, были смешаны чувства,
таял снег, и Кронштадт палил.
Мы из лавки Дома искусства
на Дворцовую площадь брели...

Вдруг – среди приёмной советской,
где “все могут быть сожжены”, * –
смех, и брови, и говор светский
этой древней Рюриковны.

Последняя стихотворная строка поэта: “Мне пусто, мне постыло жить!”

Последнее стихотворение И. Анненского “Моя тоска” было написано 12 ноября 1909 года и опубликовано уже после смерти. Незадолго до этого он беседовал с М. Кузминым в редакции “Аполлона” на тему о сущности любви и её формах. Вскоре он написал стихотворение, посвящённое М. Кузмину, на тему, затронутую в их споре. Заканчивалось оно так:

Я выдумал её – и всё ж она виденье.
Я не люблю её – и мне она близка.
Недоумелая, моё недоуменье,
всегда весёлая, она моя тоска.

В этом стихотворении есть строки, которые очень точно отражают ажурный склад души Анненского, не совместимый с грубыми реалиями мира. Внутренне одинокий, ищущий выхода из своего одиночества, поэт не находил в себе сил для жизни и с безумной завистью смотрел на живую жизнь, проходившую стороной.

Да и при чём бы здесь недоуменья были –
любовь ведь светлая, она кристалл, эфир...
Моя ж безлюбая – дрожит, как лошадь в мыле!
Ей – пир отравленный, мошеннический пир!

В этом последнем стихотворении поэта отразилась его трагедия

* В приёмной висело объявление, что каждый из умерших граждан Петро-коммуны «имеет право быть сожжённым» в Ленинградском государственном крематории, который к тому времени не был построен.

несостоявшейся, в сущности, непрожитой жизни.

М. Волошин написал своё последнее стихотворение в Коктебеле за год до смерти в 1931 году, посвятив его микробиологу профессору С.И. Златогорову, организатору и участнику экспедиции по борьбе с чумой и холерой, который был арестован в марте 31-го и умер в тюремной больнице.

Революция губит лучших,
самых чистых и самых святых,
чтоб, зажав в тенетах паучьих,
надругаться, высосать их.

Здесь слышны отголоски крамольных мыслей Волошина, знакомых нам по его поэме “Россия”, которую Евтушенко называл лучшим учебником русской истории.

Последние стихи В. Ходасевича, написанные в 1938 году, посвящены четырёхстопному ямбу.

Из памяти изгрызли годы,
за что и кто в Хотине пал,
но первый звук Хотинской оды*
нам первым криком жизни стал.

В этом стихотворении отчётливо звучит мысль о могучей, победительной силе исторического сознания, позволяющего даже в самые трудные минуты ощущать себя частью великой русской культуры, чувствовать за своей спиной пение ямба, веяние оды, гул времени.

Последнее стихотворение Ивана Елагина – “Гоголь”, написанное под впечатлением картины русского художника Владимира Шаталова “Портрет Гоголя”. Опубликовано посмертно.

Портрет, что Гоголю под стать,
он – Гоголева исповедь,
его в душе воссоздавать,
а не в музее выставить.

Внебрачный сын Николая Гумилёва Орест Высотский приводит в своих воспоминаниях (“Николай Гумилёв глазами сына” М., “Молодая гвардия”, 2004”) последнее стихотворение отца, датированное августом 1921-го, адресат которого не установлен:

* Хотинская ода — «Ода блаженныя памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 г.» М.В. Ломоносова — первое произведение русской поэзии, написанное четырёхстопным ямбом.

После стольких лет
я пришёл назад,
но изгнанник я,
и за мной следят.

– Я ждала тебя
столько долгих лет!
Для любви моей
расстоянья нет.

– В стороне чужой
жизнь прошла моя,
как украли жизнь,
не заметил я.

– Жизнь моя была
сладостною мне,
я ждала тебя,
видела во сне.

Смерть в доме моём
и в доме твоём.
– Ничего, что смерть,
если мы вдвоём.

Однако есть основания полагать, что было ещё одно стихотворение Гумилёва, записанное им на стене камеры Кронштадтской крепости, где он провёл последнюю ночь перед расстрелом.

В час вечерний, в час заката
каравеллою крылатой
проплывает Петроград.
И горит на рдяном диске
ангел твой на обелиске,
словно солнца младший брат.

Я не трушу, я спокоен,
я поэт, моряк и воин –
не поддамся палачу.
Пусть клеймят клеймом позорным –
знаю, сгустком крови чёрным
за свободу я плачу.

За стихи и за отвагу,
за сонеты и за шпагу...
Знаю, строгий город мой
в час вечерний, в час заката
каравеллою крылатой
отведёт меня домой.

Композитор Пётр Старчик положил эти стихи на музыку, и Максим Кривошеев исполнял её на своих концертах.

Последнее стихотворение Игоря Северянина 1941 года адресовано первой жене Фелиссе Круут, с которой он расстался в 1930-м. С тех пор он жил в Таллине с новой спутницей Верой Коренди. Но в конце жизни его мысли всё чаще возвращались в прежние годы, связанные с рыбацким посёлком Тойла, где прошла его молодость. Видимо, он сожалел о совершённой ошибке.

Нас двадцать лет связуют – жизни треть,
и ты мне дорога совсем особо,
я при тебе хотел бы умереть,
любовь моя воистину до гроба.

Заканчивается это довольно длинное стихотворение так:

Одна мечта: вернуться бы к тебе,
о, незнаградимая утрата!
В богоспасаемой моей судьбе
ты героиня Гёте, ты – Сперата*.

Последнее из известных стихотворений О. Мандельштама написано в Воронеже в мае 1937-го. Это “Как по улицам Киева-Вия...”, посвящённое Надежде Мандельштам. Последнее стихотворение Б. Пастернака, написанное в январе 1959 года, называется “Единственные дни”. Последняя его строфа:

И полусонным стрелкам лень
ворочаться на циферблате.
И дольше века длится день,
и не кончается объятье.

Тем же январём 59-го датировано и написанное чуть раньше, далеко не такое умиротворённое – “Нобелевская премия” (“Я пропал, как зверь в загоне...”). Но в феврале были дописаны ещё две строфы в конце, так что это стихотворение можно считать более поздним:

* Сперата — персонаж романа И.В. Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера»

Всё тесней кольцо облавы,
и другому я виной:
нет руки со мною правой,
друга сердца нет со мной!

А с такой петлёй у горла
я б хотел ещё пока,
чтобы слёзы мне утёрла
правая моя рука.

Эти две строфы, связанные с эпизодом в отношениях Пастернака с О. Ивинской, были им потом в белой тетради заклеены.

Одно из последних (скорее всего, последнее) стихотворение Георгия Иванова – о недолговечности человеческого бытия:

Поговори со мной ещё немного,
не засыпай до утренней зари.
Уже кончается моя дорога,
о, говори со мною, говори!

Пускай прелестных звуков столкновенье,
картавый, лёгкий голос твой
преобразит стихотворенье
последнее, написанное мной.

Стихотворение адресовано жене Ирине Одоевцевой. Страшное и лёгкое одновременно, оно соединяет здесь прошлое с будущим, живого с мертвецом, поэта с человеком.

Арсений Тарковский, сам того не ведая, вызвал к жизни стихотворение М. Цветаевой, оказавшееся последним. У кого-то в гостях он прочёл своё скорбное стихотворение, обращённое к дорогой ушедшей тени: “Стол накрыт на шестерых...”. На Марину оно произвело неожиданно шоковое впечатление. В простеньком стихе Тарковского – явном подражании Ахматовой (“Там шесть приборов стоят на столе, и один только пуст прибор” – “Новогодняя баллада”) – Цветаева вычитала своё, наблевшее. “Стол накрыт на шестерых”: близких, родных. Ждут шестого – шестую – ту, что ушла, умерла 12 лет назад (у Ахматовой, напротив, пустой прибор поставлен тому, “кого ещё с нами нет”, то есть ещё живому, ибо за новогодним столом – ушедшие, тени). 6 марта 1941 года Цветаева пишет ответное стихотворение Арсению Тарковскому – своей последней любви – исполненное горечи, обиды, упрёка:

Всё повторяю первый стих
и всё переправляю слово:
“Я стол накрыл на шестерых”.
Ты одного забыл – седьмого.

Ты стол накрыл на шестерых,
но шестерыми мир не вымер.
Чем пугалом среди живых –
быть призраком хочу – с твоими,

своими... Робкая, как вор,
о – ни души не задевая! –
за непоставленный прибор
сажусь незваная, седьмая.

Раз! опрокинула стакан!
И всё, что жаждало пролиться, –
вся соль из глаз, вся кровь из ран –
со скатерти – на половицы.

И – гроба нет! Разлуки нет!
Стол расколдован, дом разбужен.
Как смерть – на свадебный обед,
я – жизнь, пришедшая на ужин.

Никто: не брат, не сын, не муж,
не друг, и всё же укоряю:
ты, стол накрывший на шесть душ,
меня не посадивший с краю.

Эти стихи были написаны Цветаевой за полгода до самоубийства. В особую группу можно выделить последние (прощальные) стихи поэтов-самоубийц (Есенин, Маяковский), стихи поэтов, знавших о своей смерти или предчувствовавших её. Это стихи о предсмертной тоске, о расставании с жизнью. Последнее стихотворение А. Фета написано 15 сентября 1892 года, за два месяца до кончины:

Тяжело в ночной тиши
выносить тоску души
пред безглазым домовым,
тёмным призраком немым,
как стихийная волна
над душой одна вольна.

Но зато люблю я днём,
как замолкнет всё кругом,
различать, раздумья полн,
тихий плеск житейских волн.
Не меня гнетёт волна,
мысль свежа, душа вольна;
каждый миг сказать хочу:
“Это я!” Но я молчу.

Последнее стихотворение Райнера Марии Рильке, умершего от лейкемии в декабре 1926 года, позволяет понять, как мучительно протекала болезнь. Последняя запись в записной книжке: “Пусть завершит мученье тканей тела последняя губительная боль”.

Николай Заболоцкий ещё в ноябре 1947-го года напишет одно из лучших своих стихотворений “Завещание”, в котором выразит свою давнюю выстраданную мысль о посмертном существовании человека (“Когда на склоне лет иссякнет жизнь моя...”). Но после него поэту будет суждено прожить ещё 11 лет. Последним его стихотворением станет хрестоматийное “Не позволяй душе лениться...”.

Последним стихотворением И. Бродского считается перевод с английского “Из У.Х. Одена” (1994):

Часы останови, забудь про телефон
и бобику дай кость, чтобы не тьякал он.
Накрой чехлом рояль, под барабана дробь
и всхлипыванья пусть теперь выносят гроб.

Последняя его строфа:

Созвездья погаси и больше не смотри
вверх. Упакуй луну и солнце разбери.
Слей в чашку океан, лес чисто подмети.
Отныне ничего в них больше не найти.

Читая сейчас эти стихи, трудно избавиться от ощущения, что в них – трезвое осознание поэта близящейся смерти и спокойное, мужественное ожидание неизбежного.